

поиску новых путей решения старых задач, вероятно, и привела к возникновению новой техники. Хотя она не оказалась намного проще в исполнении, некоторые мастерицы отдали ей предпочтение, поддаваясь обаянию новизны. При выборе орнаментальных мотивов вышивальщицы, вероятно, не чувствовали себя столь же свободно, традиция еще была реальной силой, заставлявшей вновь и вновь повторять старинные узоры. Если знания о сакральном значении каждого узора к началу XX в. и были полностью утрачены, то в сознании еще крепко сидело убеждение в полезности, необходимости именно таких узоров [8], полного освобождения от архаической образной системы еще не произошло. Может быть, поэтому новых импровизированных узоров в новой техни-

ке выстраивания намного меньше, чем архаических орнаментальных тем. Да и располагают их как старинные узоры: на одежде — в местах, где прерывается ткань, на полотенцах и скатертях — на концах и прошивках.

Вероятно, выстроенные узоры, при всей сложности композиционных построений и широте распространения, — все же свидетельство деградации традиции некогда обязательного размещения на одежде и предметах домашнего обихода сакральных орнаментов. Новый вид машинной вышивки позволяет составлять эти узоры как бы формально: они есть, но различимы лишь при близком рассмотрении, основную же декорационную нагрузку несет фоновая часть композиции.

Примечания

1. Например, распространение так называемых «мыльных узоров» связано с появлением в местных лавках туалетного мыла московской фабрики Брокера и Ралле. Стоивший одну копейку кусочек мыла привлекал и бумажной упаковкой, украшенной купоном для вышивки крестом, подобные же купоны на хлопчатобумажных тканях продавались в лавках. Несложные узоры, часто содержащие геометризованные растительные мотивы, всегда имевшие в основе раппортное построение, были удобны для воспроизведения и обладали достаточной декоративностью. Исследователи народного творчества не скрывали негативного отношения к этим «новациям», опасаясь, что они могут вытеснить древние традиционные формы декора. См.: Бломквист Е. Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 416.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Т. XXXIX. СПб., 1903. С. 280.
3. Гринкова Н. П. Одежда бухтарминских старообрядцев. // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 317.
4. Кушаки — сгеганные пояса прямоугольной формы, универсального назначения (т. е. использовались и в мужском и в женском костюме), размеры которых варьировались в пределах 5–12 см в ширину и от 70 до 100 см и более в длину. Бытовали у «поляков» в начале XX в.
5. Русакова Л. М. Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987.
6. Такое преобразование ромба как бы оправдывает крестьянское название данной фигуры — «кружочек».
7. Богуславская И. Я. Художественные особенности русской народной вышивки с геометрическим орнаментом (XIX–XX вв.) // Советская этнография. 1982. № 1. С. 107.
8. Во время экспедиционной работы информаторам постоянно задавались вопросы о значении того или иного узора. Ответ всегда сводился к одному: «Это добрый, хороший узор».

Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920–1930-е гг.

Т. К. Щеглова

Исторические аспекты санитарно-бытовой культуры алтайской деревни рассматривались исследователем В. А. Зверевым на опубликованных исторических источниках 1920-х гг., этнографические аспекты — О. Н. Шелегиной на архивных материалах и нарративных источниках XIX в. и В. А. Липинской на полевых материалах 1980-х гг. в контексте общих проблем традиционной культуры русского населения Алтая [1]. Определяя значение санитарно-гигиенических и санитарно-бытовых аспектов традиционной культуры, В. А. Зверев совершенно верно отнес их к жизнесохранительному (витальному) поведению крестьян. В его изучении наметились некоторые традиции. О. Н. Шелегина проводит сравнение санитарной культуры старожилов и переселенцев, привлекая путевые заметки (Радищева, Семенова-Тян-Шанского, Школдина и др.), относящиеся к периоду относительно однородного состава сибирского населения с преобладанием сибиряков-старожилов (до середины XIX в.). Для этнографов методологическим стереотипом стало противопоставление

санитарно-бытовых традиций двух этнокультурных групп. Для бытовой культуры сибиряков характерна чистота, чистоплотность и аккуратность, переселенцев — грязь, которую связывают со строительно-бытовыми и трудовыми традициями, в том числе и содержание в избах родившегося молодняка домашних животных. В. А. Зверев, базируясь на статистических исследованиях врачей и советских хозяйственников, считает оценки этнографов идеализированными и сравнивает уровень санитарной культуры с точки зрения потребностей нового времени и современного общества и экстраполирует их выводы на 1920-е гг.

Среди рассматриваемых исследователями проблем — санитарное состояние жилища, источников водоснабжения, традиции ассенизации, роль общины в организации санитарного надзора, природно-экологические знания и навыки крестьянства [2]. Меньше внимания уделялось повседневной личной гигиене, особенно женщин, первичным санитарно-гигиеническим навыкам и умениям, путям и средств-

вам поддержания чистоты (стирка, глажение белья и т. п.), способам борьбы с бытовыми насекомыми, грызунами, формам профилактики эпидемических инфекционных заболеваний и борьбы с ними и т. д. Однако эти аспекты одного порядка, и в совокупности они должны были обеспечить безопасность и здоровье крестьянского общества. Для трудового коллектива, каким являлся крестьянский мир, это были жизнеобеспечивающие условия, которые обеспечивались на уровне семьи. В целом исследователи поставили ряд проблем, обозначили круг вопросов, но используемые ими источники не позволили наполнить их конкретным содержанием. Целью данной статьи является введение новых исторических этнографических источников, прописывающих элементы и компоненты крестьянской санитарно-бытовой и гигиенической культуры. Среди них — санитария и гигиена жилой среды (жилища, двора, поселения); личная гигиена мужчин и женщин, моющие средства и способы обеспечения бытовой санитарии, способы и средства повседневной уборки, стирки белья, борьбы с насекомыми и т. п.

Жилая среда включала жилой дом, двор с хозяйственными постройками и село с производственными зонами. Уход за ней распределялся между мужчинами и женщинами и уже затем — между взрослыми и детьми. Жилище являлось сферой деятельности женщин. Девочек через включение в домашнюю работу обучали всем премудростям по содержанию дома и избы. На мужчин ложилось содержание двора (уход за скотом и дворовыми помещениями) и поселенческой жилой среды (содержание мостов, дорог, мельничной плотины села и т. д.).

В 1920-е г. бытовая санитария в алтайской деревне держалась на традициях и первичных навыках старших членов, в отличие от городов, где усиленно проводилась санитарно-просветительная работа, особенно после подвижки населения в годы мировой войны. Организация профилактики и лечения инфекций в деревне базировалась на традиционном мировоззрении и известных повседневных санитарно-гигиенических способах предупреждения болезней, отсюда такая живучесть знахарства, колдовства. В 1925 г. в газете «Красный Алтай» появился первый оптимистический прогноз: «Медицинские работники начинают выселять из села знахаря и спекулировать лекарствами, предоставляя возможность приобретать высокого качества лекарства и предметы санитарии» [3]. Проводниками ежедневной бытовой культуры в семьях являлись старшие члены семьи.

Жилище. Исследователи неоднократно подчеркивали, что жилище в первой половине XIX в. редко соответствовало санитарным нормам. Даже в Барнауле на каждого жителя в среднем приходилось 4–7 м² (9,56 кв. арш.) вместо установленного минимума в 8 м² (16 кв. арш.) при большом составе семьи, причем 5% всех жилищ в 1923 г. было представлено землянками, подвалами и полуподвалами [4]. Первым способом соблюдения санитарного состояния в существующей тесноте можно считать деление дома крестьян на «чистую» горницу и рабочую

избу, в которой делали всю черновую работу. По словам А. Я. Егоркиной, всю повседневную грязную работу выполняли в избе — пряли шерсть и лен, стирали белье, гладили скалкой и рубелем, позже железными утюгами (один стоял на печи, другим гладили), а в горнице не только не работали, но и без необходимости не ходили, там всегда должно было быть чисто [5]. Вся жизнь крестьянской семьи проходила в избе, где в целях освобождения рабочей площади существовала встроенная мебель для сна: лавки, голбчики, печь и полати, остальные спали на полу. Каждую неделю снохи «чистотелили» избу по очереди, чередуя это занятие с выпечкой хлеба, приготовлением пищи.

Способы уборки жилого помещения были обусловлены традициями отделки стен, пола, потолка и внутреннего убранства у старожилов и переселенцев. Объединял тех и других режим уборки, состоящей из еженедельной чистки помещений и генеральных уборок не менее двух раз в год перед великими религиозными праздниками в предусмотренные дни — Чистый четверг, Чистый понедельник. Календарным днем наведения чистоты в доме и личной гигиены являлась суббота. В больших патриархальных семьях она по трудовому ритму отличалась от предыдущих дней недели. По словам А. М. Сарычевой, «пряма бросали с обеда прясть и прядут с утра, пообедали — одни бабы баню топить, другие — пол мыть, семьями же жили (для информатора семья ассоциируется с большой патриархальной). Бабушка говорила... хорошо, было весело. А сейчас все мешают друг другу... Одни (снохи) в эту субботу пол моют, баню топят, другие — в эту, и хлеб стряпали. По субботам. По двое. Двое хлеб стряпали вот в одну субботу, неделю; в ту неделю еще двое заступают. По два, бабушка говорит, квашня была большая. Ну этой мешалкой руками помеси-ка... Семья большая, и когда расходились, вот одному брату дом строят, отделяют ему, дают ему часть скота, корову там, лошадь. Уходят. Плакали. Они уж тогда отдельно живут, а эти пока следующий зал строят: по порядку: старшего, второго, третьего. Так и разделяли». Убирать старались ближе к вечеру, «чтобы прийти из бани и чистенько было» [6].

У старожилов и переселенцев приемы жилищной гигиены различались. У первых это еженедельная чистка и мытье нижнего яруса избы, включая стол, лавки и т. д., у вторых — подбеливание глиной; позже для дезинфекции широко применялась известь. В значительной степени требование чистоты поддерживалось необходимостью борьбы с насекомыми. Кроме того, как сказала А. М. Сарычева, «ну белили то к Рождеству, то к Пасхе. Освещение то было, то лучинки, то коптишки — стены закопятся. Ну мужики курили — зелено-то, желтое-то, обычно побелют».

У старожилов санитарно-гигиенические традиции были обусловлены тем, что изнутри жилое помещение и встроенная мебель были деревянными, без покраски, что создавало определенные трудности. Деревянная поверхность убиралась способом выскабливания, жесткой чистки и вымывания. Объем ра-

бот при генеральных уборках расширялся за счет скобления потолка, стен, стола, лавок, полатей и т. д. Критерием чистоты являлись желтизна начищенного дерева («как яичко»). Главными орудиями уборки являлись веник-голик, или голец (веник из прутьев), и тряпка, а средствами уборки — вода, речной песок, мелкий камень («дресва») и жесткая трава (хвощ и др.). К. А. Казанина подчеркнула, что при мытье «никаких порошков не было», а мыли дресвой [7]. Для ее получения «камни дресвили. Это был такой пористый камень. Его дробили, делали типа песка крупного. В баню сперва на каменку клали, потом они на каменке изгорали, эти камни, эта дресва оказывалась очень мягкой, ее в ступке толкли, толкли и вот веником шоркали. Полы были белые... а потом водой смывают».

Каждую субботу чистили (у старожилов часто встречается слово «чистотелили») дресвой столы, лавки, окна. Этой же дресвой натирали полы. Если дресвы не было, чистили песком и веником-голиком. Голик — это использованный березовый веник без листьев либо из хвоща. Его обычно клали на пол и придавливали ногой, что позволяло приложить больше силы, чем при мытье руками. После вышаркивания пол обильно промывали водой. Процесс вышаркивания пола А. М. Сарычева описала так: «Я помню, тетка Сергеевна любила обутком, вот эти старые обутки кожаные изнаются, не годятся больше к ремонту, она прям надевает обуюток и давай шоркать пол тоже дресвой, но обутком. Удобно. Этот-то веник-то выскальзывает из-под ноги. Насыплют дресву, веник кладут, придавят ногой... так что летят... Вышаркают, потом начинают смывать... раз, да два, да три...». В Мамонтовском районе пол шоркали специально изготовленным самодельным железным решетом, типа сетки (складывали ее вдвое, а наверх клали тряпку). Шоркали также ногой, подсыпая под сетку песок, затем — голиком, в некоторых семьях — еще и хвощом. После этого пол приобретал желтый оттенок. Заканчивалась чистка мытьем пола водой. В Усть-Пристанском районе тоже мыли «хвощом», шоркали... растет тут трава такая, хвощ, вот такой пустой с черными перемычками, дудочка — мягкий он. И песком. Песок вот натолкут с „гласвой“ и шоркают. „Гласва“ — камения перегорят в бане, они потом сыпятся, мелкие, натолкут их, потом с песком шоркают... Потолок и стены шоркают... а потом стали штукатурить и белить».

В переселенческой среде основным способом генеральной уборки являлась побелка — стены жилых домов белили практически к каждому празднику. Основным средством являлась глина (белая и голубая), которая на Алтае распространена повсеместно. Например, в Мамонтовском районе лучшей считалась островская и буканская глина. Такую глину обычно сушили и продавали колобами на базаре. Для того, чтобы глина была готова к употреблению, ее долбили, размачивали и белили избу к каждому празднику. В пригородных зонах крестьяне перешли на побелку известью. Так, в селах Зонального района известь покупали в Бийске. Если общую побел-

ку проводили не менее двух раз в год, то печь подбевали еженедельно.

В дни генеральных уборок чистили также утварь. Например, «самовары были обычно желтые (из латуни или меди), — рассказывала А. С. Лоцинина, — мыли каждую субботу на озере. Затем тщательно натирали его для того, чтобы придать самовару блестящий, сияющий вид» [8]. Частью бытовой обустроенности жилища являлось использование настила на пол. Это был самотканый холст, несколько холстин, сшитых вместе, их называли «палатка», дерюжка (тканый из толстой шерстяной нити или изгребного льна), тканые шерстяные дорожки или половики. Их часто стирали, особенно после генеральных уборок. Это был тяжелый и требующий больших затрат труд. По словам К. А. Казаниной, «в доме белили к каждому празднику, это уж всегда, половики постеляют, палатки сверху», белы-белы, красиво. А потом половики намочат и едут, у нас вон на гору. У нас яма там с водой была. Там мыли их вальком, колотили» [7].

Важнейшим фактором домашней санитарии переселенцев являлась традиция выхаживания в избах молодняка животных. А. М. Сарычева рассказывала: «Овцы объегнятся, их обязательно в избу заводят. Обоих. Он обсохнет, начат соски брать, он сосет, дня два овечка обязательно в избе... Овечка же, она лохматая, два дня в тепле — она и задышала. Ягненок маленько поднялся и стал сосать. А там выбрасывали во двор. Там уж он мать знает, соски знает. А тут мокренький-то он, соски не знает, плохо на ноги стал — там его затолкут. А тут он маленько — 2–3 дня. Редко у кого, у богатых была пристройка, какая землянка или избушка. А вот все-все крестьяне и теленка заводят, и он месяца три живет в избе. Пока тепло станет, ну куда его выбросишь на улицу, например, мы на Ямыше жили... Одна изба была, она большая была. Койку вот так отодвинем, а в том уголке жил теленок. Убирали и мыли под ним, и на ночь сухой соломки постелем. Гвоздик вобьем, <...> за шею какой-нибудь мягкой тряпкой, вот тут привяжем... а так они по всей избе будут ходить Вот... и мыли. Когда телочка была, она выйдет из своего уголка, тут помочится, тут вот сено привязано, пучок, поела и туда ушла, легла. Все говорили: „У вас телята как ученые...“ Вон есть еще где он выгрыз глину, ямка вон за холодильником... Грызут телята белую глину...»

Уход за молодняком в доме вменялся в обязанность ребятишкам. Чтобы не было запаха, после каждого испражнения дети подмывали пол. Они же следили: «вот теленок мочится, мочится, подставляли им посудину специальную, тут маленько подотрут, а оправится — скорее убирают, носят, подмывали...». А чтобы меньше было сырости в доме, ребятишки караулили: «как поднялся теленок, следят — мочится ли на пол. Уж когда никого нет, тута тогда скорее вытирали, вымывали, а то пол покраснел» [6]. Рассказы крестьян показывают, что данная традиция в 1920-е г. существовала как у переселенцев-единоличников, так и обедневших в силу разных причин

старожилов-единоличников (безмужичные семьи, погорельцы и т. п.). Как заметила А. М. Сарычева, «кто будет 200 коров заводить – у них там специально теплый двор и печка вот такая сложена была, топят, и телятам тепло, они там лежат и едят. А мы-то в одной избе жили». На усадьбах старожилов предусматривались специальные помещения для содержания разных пород скота и молодняка – малушки, землянки, овчарухи и т. д.

Насекомые. Одним из последствий скученной жизни большой патриархальной семьи являлось наличие насекомых, которые не только причиняли неудобства, но и представляли опасность для здоровья. В избах и старожилов, и переселенцев в 1920–1930-е г. водились клопы, тараканы, блохи, а также насекомые, живущие в земле и сырости («двухвостки», «мокруши»). Но наибольшую опасность представляли вши – разносчики инфекционных заболеваний (тиф). Если в городской среде в этот период стали широко распространяться химические препараты, то в деревне крестьяне применяли народные способы борьбы. Распространению насекомых способствовали и некоторые традиции, например отсутствие постельного белья. Не было ни простыней, ни наволочек, ни пододеяльников, которые бы снимались и стирались. Спали все время на одной только перине, а на подушке было две наволочки. Снималась только верхняя из них. Очень часто спали на дерюжках (грубая холстина) на полу, а утром заправляли их в кровать. Дерюжки использовались широко: ими покрывали самодельные деревянные кровати в горницах, они заменяли одеяла, ими застилали пол, их стелили и ими укрывались, когда спали на голбце, полу, лавке.

Среди названных информаторами способов борьбы с нательными вшами – керосин: «намажут волосы, подвяжут платком и ходили так до самой бани». Постельных и одежных выжаривали в бане: «как в баню придут, все с себя снимают и над каменной трясут» [7]. Но чаще всего, как говорят информаторы, «искали у друг друга в башках... Баню истопишь по-черному и вот там жарись...» [9].

Наличие жилых помещений с земляным полом (землянки, дерновые дома, каркасные и т. п.) у переселенцев способствовало сохранению сырости и размножению таких насекомых, как «мокруши», двухвостки (уховертки), о которых старожилы не помнят. С. С. Казанцева вспоминает, что «от нечистоты часотка на руках и между холок, коросты гнили, мокли, их бабки лечили» [10]. Крестьяне-старожилы, которые жили в срубных избах, вспоминают в основном клопов и тараканов. Последние, как известно, появились в Сибири в XIX в. К. А. Казанина из Луговского говорила, что «красные были тараканы, сейчас черные, а тогда красные... Шпарили их, грели и обливали... Тараканов была страшная страсть... Мне локти объедали тараканы, я на печке спала. У нас там лук подвешенный был на голбчике, так они всю ночь шуршали...» Е. С. Казанина добавила: «От насекомых страдали. В домах были и тараканы, и блохи, и клопы. Зато никогда не было двухвосток. Но все ос-

тальное было в избытке. Особенно на печке тараканов была уйма. Я вот помню, они мне маленькой до язвочек локотки объели» [11]. В Мамонтово для борьбы с ними в зимнее время семья уходила из дома, и насекомых вымораживали.

Давними сожителями в крестьянских жилищах были клопы. А. С. Лощина вспоминала, что они жили со свекрами в одном доме через стенку. Когда умерла свекровь, муж открыл дверь, соединяющую два дома вместе, а она начала белить в доме свекра и, дойдя до печи, увидела целую тьму клопов: «Я даже не представляю, как они спали в этом доме». Боролась с ними выбеливанием мест их скопления известью и вымораживанием [8]. В арсенале средств борьбы с насекомыми крестьяне широко использовали травы. Против блох использовали полынь. «Против моли боролись при помощи табака. От клещей – керосином, от блох – полынька», – рассказывает Е. Л. Слаженикина [12].

Двор и территория поселения являлись сферой деятельности мужчин и включали различные хозяйственные помещения производственного назначения (дровенники, завозни, амбары, сенники и т. д.) и скотный двор. Их количество и качество зависели от хозяйственного профиля, производственных традиций и материального достатка домохозяйства. Бытовых помещений, за исключением бани, которая, как правило, выносилась за пределы крестьянской усадьбы, на хозяйственном дворе не существовало. Характерной чертой крестьянских подворий в изучаемый период являлось практически полное отсутствие специальных отхожих мест. До середины XX в., а на некоторых усадьбах и до конца столетия отсутствовали туалеты. По свидетельствам старожилов, они стали появляться перед войной, а до этого ходили «в пригон», «за пригон», «в стайку» и т. д. При чистке скотного двора все шло в общую кучу навоза. Как сказала С. С. Казанина, «в туалет ходили в сарай, потом навоз убирают и все вместе уберут». Первыми стали строить туалеты представители молодой советской сельской интеллигенции. Как сказала А. С. Лощина, «в Мамонтово первые туалеты появились перед самым началом войны, и называли их не так, как сейчас, а уборные. Если кто-то поставил туалет в деревне, то говорили: „Ты смотри, „синодский“-то уборную поставил“. „Синодские“ – это интеллигенты. Раньше ходили в сарай. Чистили все с навозом на поля или грядки делали в огородах».

Мужчины следили за опрятностью усадьбы, чистили сарай, скотные дворы. Навоз уже в колхозное время практически весь перерабатывался на кизяки, в отдельных случаях вывозился на поля, в огород на весенние грядки под огурцы и помидоры. По словам Т. П. Викуловой, «местность сел Савиново, Комарово, Соколово была очень заболотистой, двор убирали все вместе, мусор выносили на дорогу и втапывали в грязь», чтобы уменьшить влагу на дорогах и около двора. Благодаря этому, по ее словам, около подворья, своей ограды и «на улицах раньше такого не было, было чисто, мусорить некому было. Вроде никто не убирал, а чисто было» [13].

О состоянии деревенских улиц заботилось все крестьянское общество. В некоторых селах до сих пор сохранились фрагменты бывшего обустройства. Так, в Коробейниково Усть-Пристанского района практиковалось мощение центральных улиц деревянными тротуарами, которые представляли собой поднятые на уровень подложенной под настил расколотой чурки (15–20 см в диаметре) дощатые помосты, шириной 3–4 плахи. В богатой Усть-Чарышской Пристанни сохранилась булыжная мостовая. Речным булыжником были мощены широкие центральные улицы, одна из них шла в гору Нобеля, где находились огромные цистерны с керосином.

Но в большинстве алтайских деревень основным строительным материалом для мощения улиц, засыпки выбоин служил навоз. О негативных последствиях этой традиции писали многие современники и историки [14]. В каждом дворе навоз накапливался за зиму в большом количестве. Его складывали в кучи напротив избы. И, как писали в газетах 1920-х гг., «с наступлением весны навоз начинал преть, и по селу распространялся ужасный запах, который, естественно, влек за собой появление роя злокачественных мух, которые разносили различные заболевания». В этой же газете встретилось описание той же Усть-Пристанни, которая в 1912 г. претендовала на статус города: «Не знаю, можно ли встретить другое село в Бийском уезде, более неряшливое и грязное, чем наше. Пригреет солнце по-весеннему, и в первый же день непроходимые лужи покрывают улицы и площадь. Ручьи грязной и вонючей воды потекли из дворов. Войдя в любой двор, вы увидите кучи отбросов и навоза, вонь и смрад, и это представляется вам почти всюду. На площадях, улицах и вокруг общественных зданий дело обстоит не лучше. Пройдите хотя бы по базарной площади: слой навоза и всякой дряни покрывает площадь, непролазная грязь издает зловоние буквально все лето, как на дворах, а о базарных рядах лучше и не говорить. Не удивительно, что в центральных улицах и даже в огородах хлеботорговцев тонут и гибнут лошади» [15].

Интересное описание населенного пункта Мочище Бийского уезда (ныне часть города Бийска) оставил корреспондент «Красного Алтая». Здесь, по свидетельству корреспондента, отсутствие мусорных ям, складирование отходов на улицах и во дворах приводили в весеннее половодье к вспышкам заболеваний. Многие населенные пункты оказывались заболоченными. Весенняя вода поднимала все нечистоты. Такую ситуацию в Мочище, расположенном в пригородной зоне, и описывает корреспондент: «Мочище Бийского уезда вполне оправдывает свое „мокрое“ название. С постройкой железной дороги по естественному уклону местности устремляется масса воды, неся с собой все отбросы города, включительно до дохлых животных. Все это оседает, разлагается, загрязняет воздух и воду, заливая погреб, колодцы и подполье, создавая гнездо заразных болезней» [16].

Отсутствие осушительных и отводных работ ухудшало условия водоснабжения населенных пунктов.

В приозерных и водораздельных селах основным источником были грунтовые воды, в приречных использовали речную воду. В. А. Зверев, проанализировав опубликованную статистику и санитарно-медицинские отчеты по некоторым волостям, пришел к выводу, что только 4 из 10 колодцев — главных источников водоснабжения, $\frac{1}{7}$ часть речных источников, от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ озерных и прудовых источников имели удовлетворительное санитарное состояние. В Мамонтово, по словам старожилов, основными источниками были грунтовые воды, но колодцев было мало, например в Лютаево — всего один колодец, поэтому чаще использовали озерную воду: «В большинстве своем пользовались для питья водой из озера. Зимой пробивали прорубь, а весной ледянку делали. Лошадей поили из этого же озера» [8].

Одной из причин низкой санитарно-бытовой культуры являлась санитарно-гигиеническая безграмотность, следствием которой были отсутствие мусорных ям (преобладали органические отходы, которые перегнивали), наличие скотомогильников и т. п. В 1920–1930-х гг. господствовали суеверия, которые мешали утверждению просвещения. Часто крестьяне действовали в соответствии со своими представлениями, носителями которых являлись «старые люди». Интересный случай описан в газете Красный Алтай за 1923 г.: «В с. Долговском у Маркова Аристарха в конце июля пала лошадь. А народная мудрость учит, во избежание дальнейшего падежа, необходимо павшее животное зарыть именно на том самом месте, где оно погибло. Марков, как ярый поклонник этого суеверия, так и сделал, закопал лошадь именно там, где она пала. А пала она, надо сказать, не у места — всего лишь в 5 саженьях от улицы. В первую же ночь собаки растаскали падаль по огородам. А следствием явился целый рой мух, который вился над падалью. И, наевшись, садятся на избы соседей. Таким путем можно просто заработать холеру и другие опасные болезни» [17].

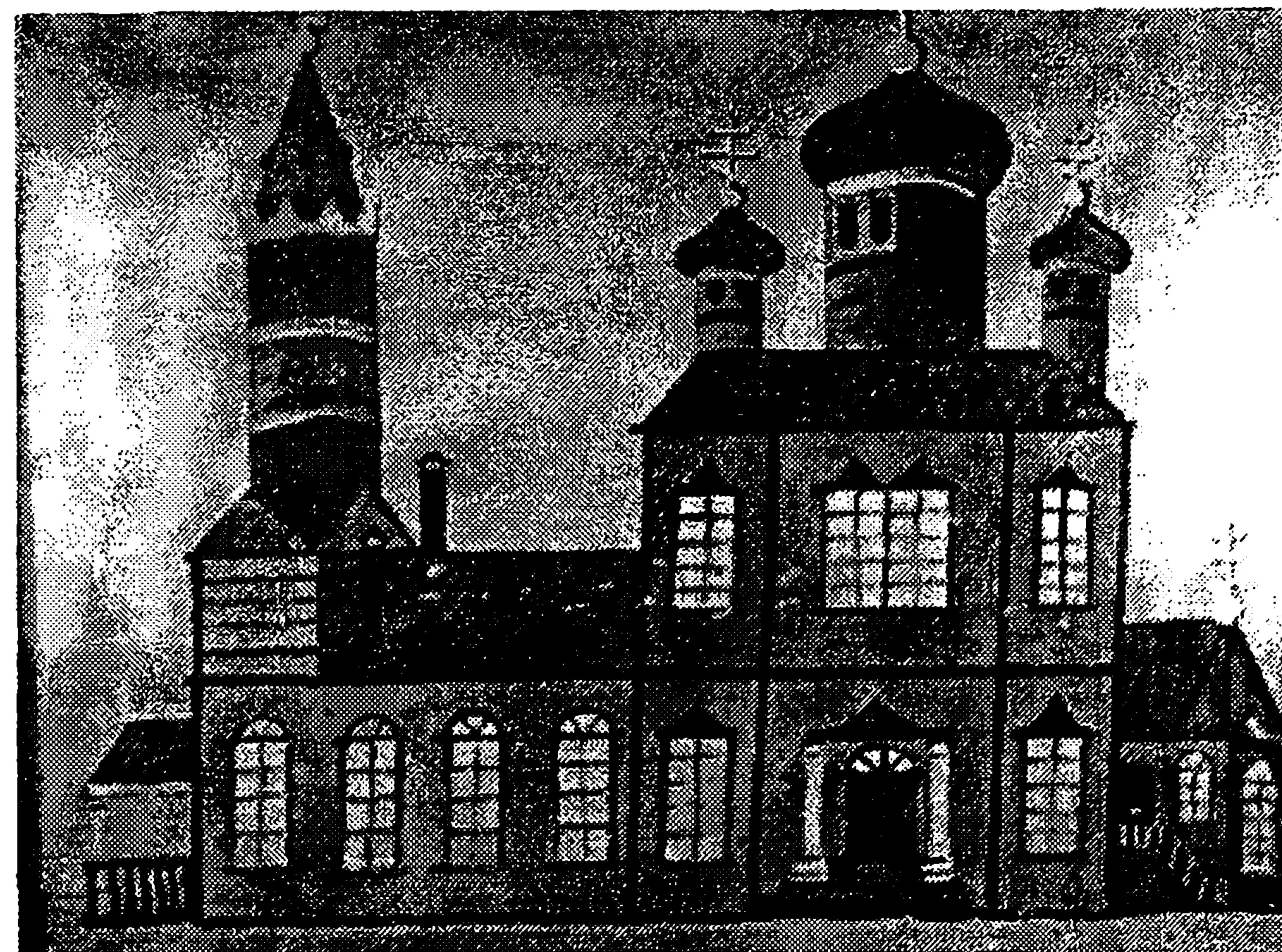
Для ликвидации безграмотности и организации санитарно-гигиенической пропаганды в 1920-е гг. стали учреждаться народные дома. Но они сами, находясь в крестьянской среде, не становились примерами, достойными подражания. Про дом в Баюново писали, что в нем никогда не убиралось, а по вечерам там собиралась молодежь, в Ново-Повалихе народом размещался в читальне, а «в с. Черепановом, кажется, дело еще гаже, весь сельсовет в саже. Конечно, не члены, а потолок и стены. Там не только никогда не моется, но и не метется, и бедный секретарь скоро от пыли задохнется» [18]. Про сельские школы писали: «В 1-й советской школе полный беспорядок: дверь в уборную выломана, на полу грязь, все стены загажены испражнениями» [19].

Ежедневная личная гигиена состояла в утреннем и вечернем умывании. Умывание, по воспоминаниям старожилов, состояло из споласкивания водой лица без мыла. Эта процедура была обязательна дважды в день — утром и вечером. Перед едой руки могли вымыть водой только после грязной работы. Т. П. Викулова рассказывала, что в 1930-е г. умываль-

ник заменял подвешенный чугунный чайник, который в 1940–1950-е г. сменился угловым умывальником. Тогда же появилась и мода на расписанные масляной краской клеенки, которыми закрывали угол в избе для защиты стен от попадания воды.

Гигиена полости рта ограничивалась также полосканием. Уход за полостью рта больше имел значение профилактики зубных болей и болезней. Т. П. Викулова рассказывала, что «раньше встанешь, мама коры напарит, черемухи и скажет: иди полощи рот». В рассматриваемый период в деревне зубной порошок еще был редкостью, а в случае его применения использовали собственный палец. Зубных щеток не было. «Зубы не чистили, а потом уж, когда все перевернулось, стали чистить, порошки покупать. Зубы шибко болели, я вот так помню, у меня маленькой шибко...», — вспоминает С. С. Казанцева. Проблема лечения зубов обострилась в 1930-е гг., когда при переходе от единоличного хозяйства к колхозному ухудшилось питание крестьян. С зубной болью боролись разными способами. Из рациональных — это полоскание отварами трав с дезинфицирующими свойствами, чаще всего «коготков» (календулы). Широкое распространение получили заговоры зубных болей бабушками. Таких апокрифических текстов в деревне существует множество [20]. Записаны различные магические и народные способы лечения, например прикладывание к больному зубу соленого сала, лечение дымом. В Соколово Г. Л. Шаромов объяснил, как он лечил зубную боль: свернутый трубочкой небольшой газетный клочок поджигал так, чтобы дым шел с противоположного конца бумаги. Этот дым «собирал» в перевернутое вверх дном блюдце. Попадая на холодную поверхность, дым образовывал серовато-желтое вещество, его собирали ваткой, которую потом закусывали больным зубом на 60 секунд.

В деле соблюдения санитарно-гигиенических норм большую роль играла баня. В доколхозный период в алтайской старожильческой деревне бани были почти в каждом дворе. В нее ходили еженедельно по субботам: «каждую субботу мылись, каждую. Прямо бросали вон там работу: жнут, косят, вяжут, вот часа 4–5, чтобы приехать и баню затоплять. Ну а как? Такой пот был, вручную работали — косили, метали. А с обеда тут хлеб испекут, лапшу, соль на толкут, наклали в телегу на ночь в воскресенье — в воскресенье не работали. Никогда, никогда! В любой праздник всю работу бросали». Если же на субботу выпадал праздник, то мылись накануне, в пятницу, но ни в коем случае не в воскресенье. Считалось, что в воскресенье мыться — не водой, а кровью. В старожильческой среде 1920–1930-х гг. преобладали бани по-черному: «сверху кирпичи наложены, и туда положишь дров, тут чугун ставишь, там дрова горят, и в бане дым идет, не продохнешь, полная баня, стены в саже все, вот так и мылись» [21]. Воду, как правило, брали из реки (бани чаще располагались по берегам) и только в случае ее удаленности — из колодца. Обычно мылись уже к вечеру, и, по словам А. М. Сарычевой, «огня не было, ну горела

Расписная клеенка с изображением церкви в исчезнувшем с. Барнаульском.
Фото Д. Дрожецкого. 2002 г.

коптушка какая-то, свету же, лампу со стеклом и то не носили туда в баню. Ну фонарь, у богатых, у кого был!».

В неразделенных и больших семьях сложились жесткие традиции мытья с соблюдением очередности, имевшие рациональный смысл. А. М. Сарычева так описала субботние бани в семье своего деда: «Мылись по 4 человека. Ну, у нас четыре брата были, да две сестры — 6, да четыре снохи — 10, да бабушка с дедушкой — 12, да я уж была тринадцатой, я самая старшая в семье была. Ну вот, сначала мужчины шли, потом шли женщины, тетка Сергеевна не любила, потом тетка Сергеевна, мама пойдут, а бабушка ходила с дочерьми, а вот деда отводили мужики, что ли; сначала дедушку там вымоют, приведут, кто-нибудь, один из мужиков, а потом остальные. Все четверо сразу ходили. Три или четыре захода — ну вот мужики ходят, да бабы, да бабушка с дочерьми сходит, да деда поведут... Ну если уж вот есть взрослые дети — мужик идет и мальчишек с собой берет».

Лишь в степных переселенческих районах (Кулунда, Бараба) бани были в зажиточных семьях одна на двор, а в семьях с меньшим достатком — одна на 2–3 двора. Кроме того, как известно, переселенцы из южнорусских и белорусских губерний «сохраняли обыкновение париться не в бане, а в жарко протопленной русской печи. А украинцы по привычке мылись в корытах». Тот факт, что баня была одна на несколько семей, по мнению Д. А. Зверева, способствовало распространению бытового сифилиса и другой заразы: «...в тех семьях, где была одна баня, мылись по несколько семей по очереди. Веник никогда не дезинфицировали, он переходил из рук в руки, и там, где баней пользовались несколько семей, становился разносчиком бытового сифилиса и иной заразы» [1, с. 153]. Вслед за санитарно-ветеринарной службой, которая проводила обследование деревни в 1920-е г., В. А. Зверев главным недостатком называет тот факт, что в сибирских банях крестьяне не столько мылись, сколько парились. С такими оценками трудно согласится без оговорок. Сама традиция

бани являлась эффективным способом дезинфекции. Веники прокаливали в кипятке, на каменке. Парились при очень высокой температуре. Именно поэтому первыми в банях мылись мужики: «Там жарко. Они крепче на голову, первый жар-то... а париться страшно; в шапках парились, в рукавицах. Мужики-то в бору-то намерзнутся... Много парились, чтобы им надо было жару — промерзали... Метали, все сыпется на них, вилами же метали. Ну и бабам доносилось...» [6]. Совершенно неверно утверждение, что бани одновременно служили и местом стирки грязного белья и только полоскали его в открытом водоеме или прямо у колодца.

Лишь с утверждением колхозно-совхозной жизни в практику вошли общие бани с двумя банными днями в неделю — женским и мужским. Новая власть в некоторых, особенно промышленно развитых, населенных пунктах, пыталась внедрять новую санитарную культуру. Так, в с. Михайловка была построена коммунальная баня, подведомственная колхозу РИКа (районный исполнительный комитет) с пропускной способностью 15–20 чел. в час. Баня работала 3 раза в неделю (понедельник, среда, суббота) с 11 часов утра до 10 часов вечера. Вместе с тем сохранялось огромное значение индивидуальных бань. Их в селе было 153 [22]. А со строительством садокомбината в Михайловском районе к 2 баням (два дня в неделю — пятницу, субботу, с 8 утра до 8–10 вечера) с пропускной способностью 75–80 чел. были пристроены дезкамеры и 2 прачечные, которые обеспечивали нужды ЖКО (стирали белье жильцов общежитий и сельчан-«одиночек»).

Главными средствами личной гигиены крестьян в деревне являлись мыло и щелок. Деревни в пригородной зоне пользовались покупным мылом, хотя рассказывали о случаях, когда крестьяне становились на рынках жертвами авантюристов. В Соколово, например, крестьяне на Бийской ярмарке вместо мыла купили деревянные бруски. Для пропаганды чистоты в газетах для крестьян публиковали рецепты варки мыла мягкого и твердого, цветного и душистого [23]. В них, кроме описания процесса варки, давались многочисленные советы: например, чтобы мыло не трескалось, в него нужно добавлять воск; для мягкого и нежного мыла рекомендовали добавлять яичные желтки; для удаления едкой грязи в мыло рекомендовали добавлять мелкий песок (песочную пудру), для душистости приготовить самому перегонкой сосновой хвои масло или отжиманием кожуры огурцов — огуречную эссенцию и т. д. Обобщая в газетах и опыт. Так, крестьянин Яков Осидов делал мягкое мыло из едкого щелока. Гладкое мыло получали путем варки растительного масла (постного) — льняного, конопляного, а мыло с зерном — из растительного масла с добавлением сала. Но в большинстве крестьянских семьях моющие средства готовили сами традиционным способом. Несмотря на распространяемые через периодическую печать способы варки мыла (хозяйственного, душистого, цветного) в деревне использовали заготовку в домашних условиях без всяких ароматизато-

ров. Но принцип оставался сходным с заводским — мыло варили из животных жиров, отходов, кишок с добавлением каустической соды. Готовое мыло оставляли застывать в тазике, а затем уже застывшее мыло разрезали брусками (3×5 см). Под Бийском готовили его так: «нагревали воду, в нее добавляли соду, а после вливали яичные белки и долго-долго мешали. Затем полученную массу выливали в квадратную деревянную форму. После того, как мыло остынет, его нарежали квадратиками. Иногда в мыло добавляли разные красители, и мыло получалось цветным» [24]. В Мамонтово для изготовления мыла использовали кишки любых животных с добавлением каустической соды.

Но самым доступным и быстрым средством являлся щелок, который готовили из древесной золы: «сами золой мылись». Его готовили следующим образом: «золы в кадочку насыпят, баню как затопят, ставят туда чугунок и как скипит, так в кадочку выльют. Получается щелок склизкий, его в таз наливали да мылись, — рассказала К. А. Казанина, — либо могли мыться личным мылом». Воды вот нагреем кадочку и золы туда насыпят, и вот этот щелок был. Склизкий. Его в таз наливали да мылись» [7]. Готовому щелоку давали осесть, и только тогда он был готов к употреблению. Им мыли голову. Секреты «мыльной золы» подробно рассказала А. М. Сарычева из с. Коробейниково Усть-Пристанского района: «Подсолнушки косят там на пашне... Вот эти семечки колотят... шляпки кучкой сложат и сожгут... Вот делают щелок, а она мылкая, едкая. Деревянные были корыта. В этих корытах стирали... досок не было. Доски ж недавно появились... руками вот так терли... рубаху об рубаху... где вот тут грязь... мылится, шоркаем. Государственного мыла же не было. Нет, оно было, но не на что было покупать». Количество используемого щелока зависело от количества белья. Обычно, «если надо побольше... ну плохая зола, так пригорстку, пригоршню. Кто в тряпочку, кто во что... она же всплывает...». Кроме золы из-под подсолнуха, в Коробейниково жгли картофельную ботву, которую также пережигали на огородах после уборки, но «считалась та лютее, из подсолнечника, а эта вот слабая», как говорила А. М. Сарычева, с золой подсолнечника «мягкая вода, мылкая, едкая. Перебачишь, так голова-то гудит потом». Дровяную же золу чаще использовали в бане, а в народной медицине еще и для выведения перхоти: «Баню-то истопила, тут дровяной в коробку золы набрала, говорят, вдруг у кого „волосни“, так можно сделать». Волоснями называли перхоть: «У Виктора волосы здоровые, кудрявые... ногтем царапнет... пласт, а под пластом кровь... Перхоть насадил... я ему щелок делала... вот тут примочи и на вот этот гребень частый и сбоку вот тут начеши, чтобы она отслоилась... все прошло... Раза два мыл...» [6].

Главными орудиями мытья служили «рехотки» (вехотки). На Алтае встречались разные типы самодельных «рехоток»: 1) из древесной коры; 2) из лыка; 3) из рогожи; 4) из ткани и др. Мать Т. П. Викуловой плела их из коры молодого клена. Ширина такой

«рехотки» составляла 4 см. Другой тип представляли вехотки в виде щеток. Делали их из «шершавой тряпки» [25] — часто из грубой льняной ткани и отходов от вычесывания льна («изгреб» — от первого прочеса льняных стеблей).

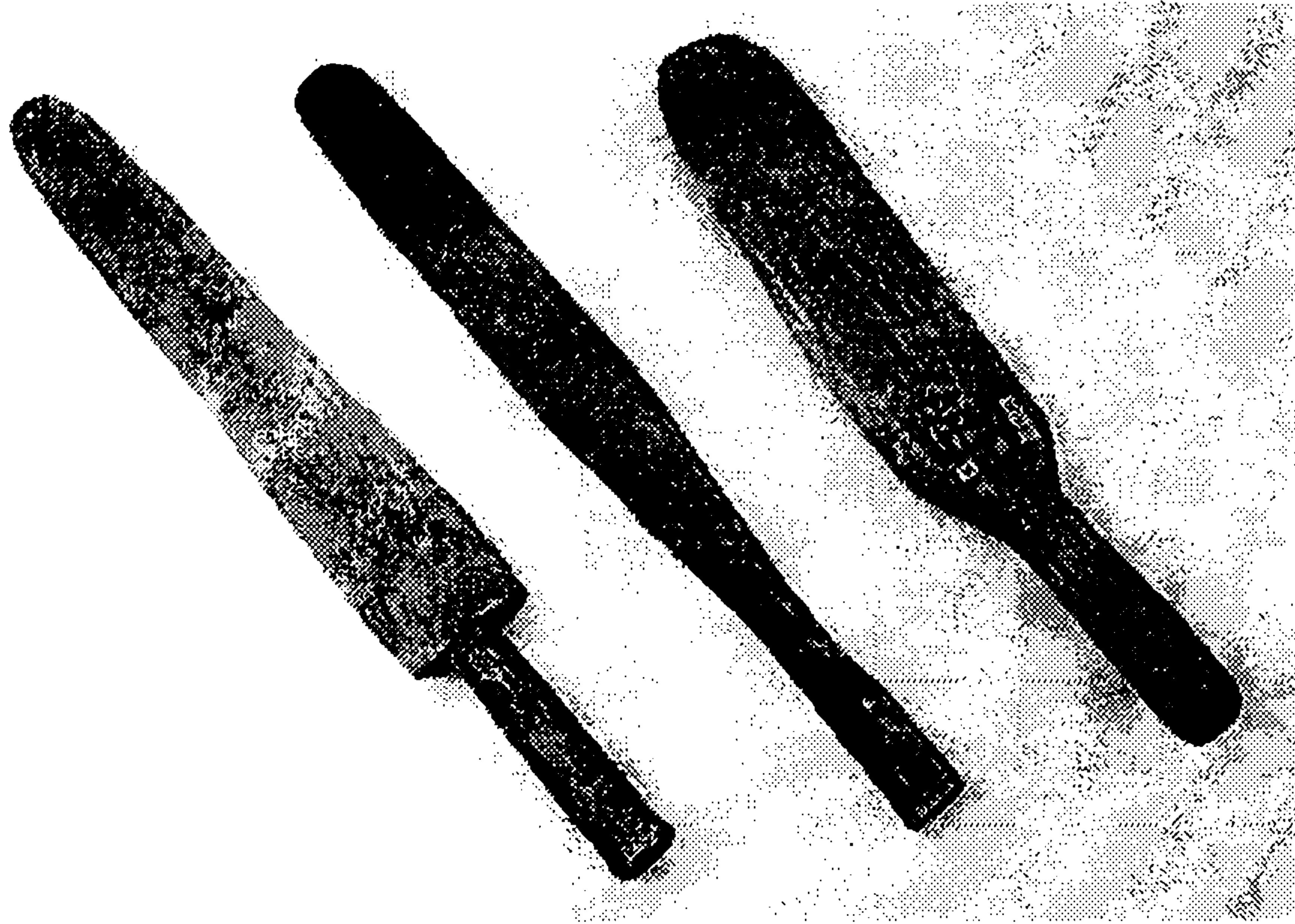
Частью личной интимной гигиены являлся женский вопрос. В первой трети XX в. женщины в деревне не носили нижнего белья. Как вспоминают пожилые женщины, «то, что сейчас прикрывают нижним бельем, раньше скрывали под длинной юбкой». В мужском гардеробе нижнее белье также отсутствовало. Для детей такая традиция сохранялась в алтайской деревне и в послевоенные 1950-е гг. А. М. Сарычева рассказывала: «Вот мама у Островидовых (местные купцы) жила, они фланель продавали... тогда вот женщинам сапоги не шили, а вот шили полусапожки... обутки с веревочками... как галоши, только вот тута обшивали и шнурочек был, и полусапожки... короткие голяшечки были, а штаны фланелевые носили... мама иногда папины кальсоны одевала... чулки ниже колен вязали... шубу наденешь... я вот в эту волость-то ходила... чулки не были за коленки, вот я всегда приходила, коленки обмораживала. Коль добегу до туда... я заскакиваю, коленки белые, щеки белые...». Особенно остро ощущалось отсутствие нижнего белья в зимнюю стужу. По словам С. С. Казанцевой, «вот работали-то раньше, молотили по всей зиме, в осень-то не успевали промолотить, и вот как Филипповка (предрождественский пост с 28 ноября) настанет, морозы самые... снопы возят, а ведь холодно, истрескается все тут, замотаешь какими-нибудь лохматошками, вот так и ходишь» [10].

Но для женщин отсутствие нижнего белья оборачивалось еще одной проблемой, которую они должны были решать ежемесячно. По словам К. А. Казанцовой, «вот мама рассказывала, когда маленькая была, ну когда пришли у нее месячные, она говорит, я не знаю, что это со мной есть-то, ничего не было. Никто не рассказывал, и вот она говорит: у меня пришло, я, бедная, и не знаю, что делать-то, побежала, говорит, на вышку, там лен лежал; она говорит: я целую горсть льна схватила и туда затыкала, а потом прятала». Более старые люди, например С. С. Казанцева, 1907 г. р., говорят, что в такие дни просто затыкали юбкой, «да так и ходили, все текло по ногам, нижней юбкой подотрет — и дальше». Как объяснила А. М. Сарычева из с. Коробейниково Усть-Пристанского района, женщины носили несколько юбок и исподнюю использовали для этих целей: «Так вот нижнюю рубашку скалывали. Скалывали, и рубашкой, чтобы сюда хоть не протекало, от мужиков. Ну хлопья клали, ну лен-то, хлопья оставались, вместо ваты, туда положут, у некоторых сильно отходило. Две ведь юбки, три надевали сверху и юбку одну-то плохонькую-то под низ, а эту ходят почище наденут — получается три. Ну а чулки все равно вот до сих пор, тут веревочка была, подвязывали веревочкой чулки, так и веревочку эту не снимали». При такой гигиене секреты часто становились достоянием семьи: «У женщин промокало, вот поднимется, и все

тут. Я вот еще помню... маму-то я не видала, она говорила: у меня чуть-чуть ходила. А вот за Нюрой-то я за Якушевой зайду, у них сын был с женой и две снохи. Она сама, бабка, поднимется и все тут, и ходит, и все дети; как сейчас помню, думаю: „О!“, может, дед-то и говорил че, да это после. Она тут скорей наденет на себя еще одну юбку с гашником...» [6].

Стирка. Стирка предметов одежды из грубого льняного полотна осуществлялась путем кипячения (бученье), выхлопывания (вальком), мятья (в корыте) и полоскания (желательно в проточной воде). Временем стирки старожилы обычно называют субботу или понедельник (в другие будние дни занимались коллективными работами на поле или дома). Как сказала А. М. Сарычева, «уж когда в субботу буран — прям в субботу нет — в понедельник стирка. А потом всю неделю прядут до субботы. В несколько прялок. Бабушка говорила. Вот было 7 братьев и 7 снох, а два дома стояло, один вот сейчас стоит, другой сломали — дорога разъединяла. Спали на два дома. Дак вот мужики-то, стучали в дверь, стучали, а они пряли в 7 прях, пряхи трещат... никакого стука не слышат. Дядя Никита разозлился, взял каким-то стягом как дал, вышиб косяки-то со всей дверью. Бабы ахнули. Зашли, он ругается: «Как это? Туда-растуда, очертенели, не слышите». Марина, его жена была, как эту пряху схватил, как дал об пол — разбил. Бабушка говорит: „Я утром поехала в Нижнее (Нижне-Озерное, в 2 км) село пряху покупать. Там прашечники были“. Не стирали и после бани, как иногда ошибочно считают: «Все грязное снимали и до понедельника оставляли... где там стирать. Там хоть бы жару хватило, да воды вымыться — 13 человек... когда буран. Нельзя стирать — пропускали понедельник, тогда больше белья, тогда уж на целый день (стирки)...» [6]. В воскресенье и по религиозным праздникам стирать было категорически запрещено. В Ново-Зырянке Заринского района было записано повествование о женщине, которая стирала белье, получила замечание от вошедшего старика, но не остановилась, и в результате у нее выросли копыта.

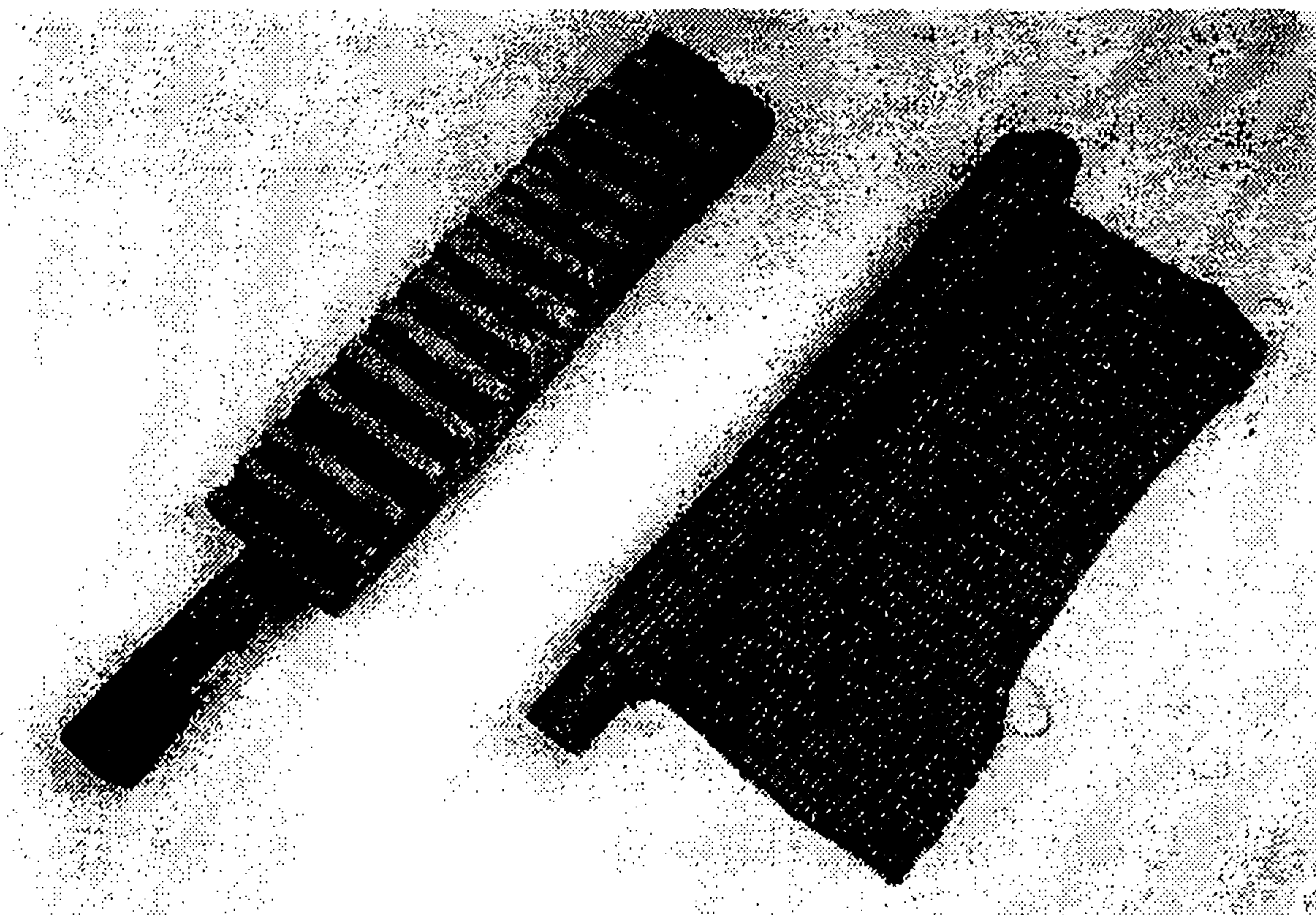
Воду для стирки брали в зависимости от расположения источника. Если река находилась близко, то стирали водой из реки: «Воду на стирку, мы жили возле Чугулайки (речка), оттуда таскали на стирку и в баню» [7]. Если же река была далеко, то воду брали либо из колодца, либо из родника. Грели воду на печи в больших чугунах. Первым этапом стирки являлось замачивание белья. Особенно замачивали половики. Для этого использовали кадки (замачивали до 2 дней). После этого его стирали способом битья: «колотили вальком... он же грязь отбивает и мягче делает...» [26]. Самым эффективным способом стирки нательного и верхнего белья, особенно домотканины, также являлось выбивание грязи (битье), моющими средствами — мыло, щелок. А в Луговском Зонального района записан рецепт приготовления стиральных средств из кислого молока: молоко перекисал, и его выливали в воду. По словам С. С. Казанцевой, «стирали «подмыльем» («скотину кололи и ква-

Трепала и валеки для обработки волокна льна и конопли. Дерево. 1920–1930-е гг. Фонды ИКМ БГПУ

сили»), а летом из творога делали «подмылье» — «творог заквашивали, он скиснет, там червей, стираешь, они ползут». Обычно стирали дома в корытах, полоскать же возили на водоемы. Но, если река была очень уж далеко, то могли полоскать в корыте. Особенно всем запомнилось зимнее полоскание на водоемах: «В избе-то тогда не полоскали. Это сейчас все ситцевое, а то холщовое, все ткали. На речку, а там прорубь. Лед прорубим, там полоскать... тогда были такие полукруглые (вальки), колотили... белье полощут в проруби, колотят, это чтобы вся грязь выколачивалась, а потом снова». В Коробейниково стирали на Чарыше. Белье возили обычно в больших корзинах на телегах. Их называли «постирушки» — большие плетеные корзины, по словам А. М. Сарычевой, «из прутьев плетут... с ручками... возили белье на речках в них... прутьики мелкие сплетали... большая ставилась в телегу большой величины... в ней возили белье на реку полоскать».

После зимнего полоскания формировали рулоны белья, которые составляли в коробки, корзины, «постирушки» и везли домой. Очень образно описала процесс полоскания белья зимой А. М. Сарычева: «Вот расстелют одну палатку. Ну палатка тогда из белья, тогда крепкая, старая, белье какое-нибудь из полотенец... вот так настелют какой покрепче... на лед верником наплескают и стелют полотенца, вот эти скатерти холщовые... Полощут и кладут, полощут и

Рубель и скалка для разглаживания белья. Дерево. Домотканое полотно (пестрядь). Лен. 1920–1930-е гг. Фонды ИКМ БГПУ

кладут... Все льняное, грубое... вытирали то уши, то посуду, то лица... Не отжимали, руки с парю сойдутся, такой мороз. Скорей, скорей. <...> В такой мороз и руки стынют, когда там выжимать, тут маленько хоть повернуть на обратную сторону-то, и скорее в этот тюк. Все это застынет... сворачивают пучочками и ставят на лед... руки потрут... все свернут и другую поставят на лед. Вот так вот поставят... Стирали-то поскольку? Немножко отечет и замерзнет... В эти коробки (постирушки) складывают и везут на лошадях, на санках. Большие санки... Привозят эти мерзлые тюки, вот в коробки деревянные накладывают или в такие шайки, в деревянные, большие, оттают, потом выжмут, потом на городьбу вешают».

Женщины помнят, что руки в ледяной воде деревенели, и после пробивки вальками на реке белье несли, вернее везли, часто на саночках или волоком в корзинах, домой, чтобы отжимать. Одеревеневшими руками на реке в стужу сделать это было невозможно: «Положим на лед, вальком поколотим, а тогда снова полоскаем. И тогда уже в корзину укладываем. А потом или в тюк, вот полотенце разостелем, на полотенце кладем эти рубахи, а потом их завертываем и в корзину и в избу, а тогда уж там отжимаем в избе». «Полощут, полощут, положут потом на лед, вальком бьет и опять полощут. На пальцах лед застынет. Белье в тик скрутит, а отжимали уж дома» [10]. А. С. Лоцинина рассказывала, что у них в деревне (Мамонтово) «соседка была Каширская тетя Лена. Она ведро согреть воды и ей хватало, ребятишки прорубь такой сделают, она валик берет и на озеро, всю зиму полоскала на озере. И у нее все эти тряпочки, не хуже моего, выстиранные, выкатанные и все сложенные».

Сушка. Катание. Утюжка. Белье сушили в любую погоду на улице, в более раннее время — на заборе (изгороди, городьбе), позже — на конопляных веревках. В Мамонтово белье сначала вешали на плетень. Если сушили зимой, то белье должно было обязательно вымерзнуть. Потом его перевешивали в сарай на жердочку. В Коробейниково «...не было веревок. Прямо на жерди. Пока высохнут, вымерзнут. Целые, никто не собирал». После сушки приступали к разглаживанию белья. Существовало несколько способов. Катание белья с помощью деревянных рубеля и скалки. Этот этап был обязательным, но он преследовал цель не столько выгладить, сколько обмять белье, как говорят старожилы, «ну а как, белье грубое, жесткое, если не покатаешь-то... был вот такой зубчатый рубец и вот эта каталка... хорошо катает, мягкое, гладкое» [6]. Очень образно рассказала Т. А. Вавилова: «Рубель как доска стиральная, такая рубцеватая, с ручкой, как валеки, только вот такой большой. И скалка — деревянная толстая палка. И вот на эту палку накатывают, накатывают, потом этим рубелем и пошел по столу, и пошел по столу. Вот и все глажение. И так каждую рубаху. Простыней-то ведь не было и пододеяльников». Грубость и жесткость домотканого полотна создавала проблемы для детских вещей, особенно для грудничков. Для них старались шить «мягонькое какое-то... Или

из старого своего белья, тут уж ситец появился, я вот када родилась (1920 г.), тут из старого ситца, из старой папиной рубашки мама сошьет» [6]. В противном случае его мяли. Катали половики и верхнюю одежду. Позже появились угольные утюги. «Я привезла его из Латвии. Мне мама моя его подарила. Так вот за этим утюгом все в деревне ходили, все им гладили [27]. Сначала были утюги, которые нагревали на плите, позже появились паровые с ручкой: они открывались и внутрь насыпали горячие угли, в них тепло сохранялось дольше. Но угли приходилось постоянно раздувать, для их приготовления применялась древесина. Старые женщины с трудом переходили на утюги. «Мама, вот как сейчас приду я к ней, а она что-нибудь на столе свернула... Раз, раз, трет... Мам, вон у тебя ведь утюг. — Ладно! Это ведь жара, угли...» [6]. Одной из причин долгого перехода к утюжке являлось сохранение в быту домотканой одежды, которая требовала не столько проглаживания (для этого белье обычно складывали и клали под подушки), сколько смягчения материала. Рубелем жесткий

холст проминали. И только с постепенной заменой повседневной одежды и белья на изделия из ситца в практику вошли утюги.

Таким образом, традиции санитарно-гигиенической культуры были адаптированы к крестьянскому домохозяйству. Они отражали хозяйственно-культурный уровень развития. Многие традиции были обусловлены природно-климатическими условиями (срубное строительство и скобление пола, битье, бученье и катание грубого льняного белья и т. п.). Их развитие шло не путем совершенствования санитарно-бытовых форм и санитарно-гигиенических средств, а путем регламентирования трудового режима, ритм которого включал ежедневные и периодические работы по содержанию жилой среды. Слабее контролировалась личная гигиена. В целом санитарно-бытовая культура была органично связана с традициями трудовой и производственной жизни семьи, которая выработала рациональное витальное поведение. Гарантией успеха являлось строгое следование жизнесохранительным традициям.

Примечания

1. Зверев В. А. О санитарной культуре доколхозной деревни: поселения и дворы наших земляков // *Вопр. краеведения Новосибирска и Новосибирской области*. Новосибирск, 1997. С. 153–163; Он же. Поселения и жилища у русских крестьян Алтая в первой трети XX века // *Этнография Алтая*. Барнаул, 1996. С. 88–93; Шелегина О. Н. Санитарное состояние жилища // Шелегина О. Н. *Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.)*. Новосибирск, 1992. С. 81–86; Липинская В. А. Красота в чистоте, чистота в красоте // Липинская В. А. *Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае XVIII – начало XX века*. М., 1996. С. 110–123.
2. Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1991; Она же. *Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в.* М., 1991; Она же. По старому Московскому тракту: О первых русских поселениях на территории Новосибирской области. Новосибирск, 1990.
3. *Здравоохранение в деревне* // *Красный Алтай*. 1926. № 145. 30 июня. С. 3.
4. *Лечебно-санитарное состояние Сибири за 1923 г.* Ново-Николаевск, 1924. С. 128.
5. Записано: Егоркина А. Я. Шубенка. Зональный район. 2002 г.
6. Записано: Сарычева А. М., 1920 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район. 1997 г. Личный архив автора.
7. Записано: Казанина К. А., 1917 г. р., с. Луговское, Зональный район. Кассета 28, сторона «А».
8. Записано: Лощинина А. С., 1911 г. р. Мамонтово. 2000 г. Личный архив автора.
9. Кассета № 15, сторона «В»
10. Записано: Казанцева С. С. 1907 г. р., с. Луговское. Зональный район. 2002 г.
11. Записано: Казанина Е. С., 1935 г. р., с. Луговское. Зональный район. 2002 г.
12. Записано: Слаженикина Е. Л., 1915 г. р., с. Соколово. Зональный район. 2002 г.
13. Записано: Викулова Т. П., 1917 г. р., с. Соколово. Зональный район. 2002 г.
14. Катионов О. Н. *Московско-Сибирский тракт во второй половине XIX в.*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. С. 21; Миненко Н. А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990.
15. По Алтаю // *Алтайский крестьянин*. 1913. № 11. 16 марта. С. 14.
16. По селам и деревням // *Красный Алтай*. 1924. № 87. 16 апр. С. 3.
17. *Заразное невежество (с. Долговское)* // *Красный Алтай*. 1923. № 179. 10 авг.
18. *Еж. Деревенские рассказчики* // *Красный Алтай*. 1926. № 7. С. 4.
19. *Зеро*. *Красный Алтай*. 1926. № 31. 9 февр. С. 3.
20. Орлова О. А. Бытование верований в колдовство и знахарство в Усть-Пристанском районе. По материалам экспедиции 1997 г. // *Нижнее Причарышье: Очерки истории и культуры* / Редкол.: Т. К. Щеглова (науч. ред) и др. Барнаул, 1999. С. 64.
21. Записано: Черномордова Лидия Алексеевна, 1932 г. р., с. Плешково. Зональный район. Кассета № 113, сторона «В». 2002 г.
22. ЦХАФ АК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 23.
23. О том, как мыло варят // *Сибиряк-крестьянин*. 1919. № 39.
24. Записано: Казенных Л. П., 1917 г. р., с. Соколово. Зональный район. 2002 г.
25. Записано: Алексенцева Елена Павловна, 1922 г. р., с. Савиново. Зональный район. 2002 г.
26. Записано: Вавилова Татьяна Алексеевна, 1929 г. р., с. Октябрьское. Зональный район. 2002 г.
27. Записано: Зайцева Л. Г., 1924 г. р., с. Новый быт. Зональный район. 2002 г.